

DOI 10.18522/2500-3224-2026-1-24-39

УДК 94

ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ КАЗАКОВ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА НА ДОНУ¹

Венков Андрей Вадимович

Южный научный центр Российской академии наук,

Ростов-на-Дону, Россия

andrey_venk@rambler.ru

Аннотация. В статье обосновывается несостоятельность сложившихся представлений о том, как казачья семья реагировала на потрясения Гражданской войны. Автор обращается к документам и личным полевым исследованиям, подтверждающим, что отражение Гражданской войны в первых художественных произведениях советских писателей, в частности М.А. Шолохова, излишне драматизирует взаимоотношения внутри казачьей семьи. Показано, что в казачьих семьях если и случались конфликты со смертельным исходом, то бывало это крайне редко.

Ключевые слова: казаки, семья, Гражданская война, трагедия.

Цитирование: Венков А.В. Традиционные ценности казаков и Гражданская война на Дону // Новое прошлое / The New Past. 2026. № 1. С. 24–39. DOI 10.18522/2500-3224-2026-1-24-39 / Venkov A.V. Traditional Cossack Values and the Civil War in the Don Region, in *Novoe Proshloe / The New Past*. 2026. No. 1. Pp. 24–39. DOI 10.18522/2500-3224-2026-1-24-39.

© Венков А.В., 2026

¹ Публикация подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН на 2026 г., № гр. проекта 124012200178-4.

TRADITIONAL COSSACK VALUES AND THE CIVIL WAR IN THE DON REGION¹

Venkov Andrey V.

Southern scientific center of the Russian Academy of Sciences,
Rostov-on-Don, Russia
andrey_venk@rambler.ru

Abstract. The article shows how, contrary to the established views, the Cossack family reacted to the upheavals of the Civil War. Referring to documents and personal field research, the author shows that the reflection of the Civil War in the first works of fiction by Soviet writers, in particular by M.A. Sholokhov, unnecessarily dramatizes the relationship within the Cossack family. It is shown that conflicts within the Cossack family with fatal consequences, if they existed, were extremely rare.

Keywords: Cossacks, family, Civil War, tragedy.

¹ The publication was prepared as part of the implementation of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences' State Program for 2026, Project No. 124012200178-4.

В школе на уроках истории учащимся рекомендуется читать художественную литературу, описывающую исторические события. Если автор — современник изучаемой темы, его оценка эпохи, героев, быта и нравов того времени имеет большую ценность для исследователя.

«Донские рассказы» М.А. Шолохова написаны, можно сказать, по горячим следам. Всего пять лет прошло с окончания военных действий на Верхнем Дону, когда было написано большинство рассказов.

Сюжеты рассказов трагичны и в большинстве случаев связаны с темой конфликта внутри семьи.

Первый рассказ, «Родинка»: отец-атаман убивает в бою сына — красного командира, а затем кончает самоубийством. В эпосе эта тема не нова. В отличие от эллинской традиции, где дети, борясь за власть, убивают отцов, у персов Рустам убивает Сухраба, у нас Илья Муромец — Сокольника. Бросается в глаза, что главный герой — красный командир — назван казаком, но его фамилия «Кошевой» явно не донская, не казачья. И позже, в романе «Тихий Дон», большевики тоже носят не донские фамилии — Бунчук, Кошевой. Вообще в фамилиях большевиков слышна символика: Бунчук — знамя, Штокман — палка, Кошевой — кошевка, санки, на которых ездят.

Посмотрим дальше.

«Пастух»: кулаки убивают комсомольца.

«Продкомиссар»: сын поощряет расстрел отца.

«Шибалково семя»: муж убивает только что родившую ему сына жену-шпионку.

«Алешкино сердце»: соседка чуть не убила соседского мальчика, застав его в своем погребке.

«Бахчевник»: казачий офицер убивает жену и посылает на расстрел старшего сына, но его самого убивает младший сын.

«Путь-дороженька»: здесь братоубийственных сцен нет.

«Нахаленок»: тоже.

Но дальше опять начинается.

«Коловерть»: казачий офицер посылает на расстрел отца и брата.

«Семейный человек»: казак убивает сына-большевика.

«Кривая стежка»: дезертир убивает любимую девушку.

«Двухмужняя»: женщина мечется между членом коммуны и реэмигрантом.

«Обида»: казак убивает некогда ограбившего его украинца и уносит его ребенка.

«Смертный враг»: кулаки убивают активиста.

«Жеребенок»: белый офицер дает спасти жеребенка, а потом убивает спасителя-красноармейца.

«Червоточина»: кулак и его старший сын убивают младшего сына.

«Лазоревая степь»: белый офицер пытается пленных красногвардейцев.

«Батраки»: батраки борются с работодателями [Шолохов, 1984].

Подобные мотивы встречаются и у И. Бабея. В рассказе «Письмо» отец — белый офицер из стражников — убивает взятого в плен сына-красноармейца, а затем два других его сына-буденновца находят и убивают отца, с угрозами вытащив его из советской тюрьмы [Бабель, 1990].

Перед нами пропаганда «революционного романтизма», когда ради новой справедливой жизни не жалко убить родного брата или отца. И показано в «Донских рассказах» это на примере казачества. Потом, когда политика по отношению к казачеству временно изменилась, вышли рассказы — «Чужая кровь» и «Один язык». В рассказе «Чужая кровь» ненавидящий красных старик, у которого красные убили сына, выхаживает раненого красноармейца, а в рассказе «Один язык» описаны пацифистские настроения казаков и противостоящих им австрийцев во время Первой мировой войны [Шолохов, 1984].

Обычно писатели в силу особенностей литературного творчества обращают внимание в первую очередь на необычное, чтобы привлечь внимание предполагаемого читателя. А люди, познающие жизнь по книгам, это необычное воспринимают как повсеместное. И в данном случае только один сюжет из трагических и надрывных «Донских рассказов», описывающих Гражданскую войну на Верхнем Дону, имеет документальное подтверждение, о котором мы уже писали в «Известиях вузов Юга России» [Венков, 2016b]. Это рассказ «Семейный человек». Суть его в том, что паромщик Микишара во время вынужденной остановки рассказывает пассажиру, демобилизованному красноармейцу, свою горькую историю. Его жена умерла от родов, когда рожала 9-го ребенка, и Микишара остался один с 9-ю детьми. Два его взрослых сына, Даниил и Иван, во время Гражданской войны вступили в Красную Армию, а когда началось на Верхнем Дону массовое казачье восстание, старший попал в плен к повстанцам своего хутора. Он был обречен. Повстанцы потребовали, чтобы Микишара тоже принял участие в расправе над своим сыном. А он боялся, что, если откажется, повстанцы убьют и его, и остальные семеро его детей останутся сиротами. И Микишара ударил сына Даниила штыком по голове: «В кулаке у меня штык зажатый. Вдарил я его тем концом, какой на винтовку надевается. В это место вдарил, повыше уха... Он как крикнет — ой! — заслонил лицо ладонями и упал с порожек». Другие повстанцы его добились. Второй сын Микишары, Иван, сам перебежал от отступающих красных к белым, в 36-ю батарею, но земляки опознали

его, схватили и привели в свою сотню. Из сотни Ивана отправили в штаб полка, а Микишару послали с ним конвойным. «Догадался я: к тому они меня в конвой назначают, думают, что пушу я сына на волю, опосля и его словят и меня убьют...». И Микишара застрелил своего сына якобы при попытке к бегству. «Отпустил я его сажен на двадцать, потом винтовку снял, стал на колено, чтоб рука не дрогнула, и вдарил в него... взад... Снял я с него шинель и ботинки, накрыл ему лицо утиркой и пошел назад в деревню...».

Борьба в рассказе жестока и бескомпромиссна. Повстанцы убивают своих земляков, попавших в Красную армию, и добровольный переход на сторону белых ничего не меняет. И повстанцы настаивают, чтоб убивали бывших красноармейцев их же близкие родственники.

В Архиве Управления ФСБ по Ростовской области в одном из дел обнаружена похожая на рассказ «Семейный человек» история – старый казак по имени Никифор (Микихвор, Микишара) обвинялся в убийстве во время Вёшенского восстания 1919 г. одного из своих сыновей, ушедших в Красную Армию. Сыновей звали Даниил и Григорий [Архив Управления ФСБ РО, д. П-46260-А, т. 2].

Материал на «Микишару» – Никифора Ивановича Попова – содержится в явно сфальсифицированном деле о ликвидации контрреволюционной подпольной организации, готовившей восстание в Вёшенском районе и в соседнем Хоперском округе Нижне-Волжского края в 1929–1930 гг., как раз в начале массовой коллективизации. Перед этим ответственным мероприятием с 2 октября 1929 г. начались аресты бывших белых повстанцев, которые после ряда амнистий спокойно жили в своих хуторах.

Сам Н.И. Попов, судя по документам дела, был человеком психически неуравновешенным, склонным к позерству. Имя его всплыло, когда несколько человек заявили, что он ходит по хуторам и обещает, что скоро начнется восстание. Кочетов Назар Федорович показал, что его сестра М.Ф. Тарасова рассказала, что некий человек говорил, что казаки собираются восставать. «Но какая-то сволочь изменила, и дело затормозилось» [Архив Управления ФСБ РО, д. П-46260-А, т. 2, л. 166]. Человек этот – Никифор Иванович Попов. От себя Кочетов добавил, что сын Попова был в Красной армии и попал в плен к повстанцам, «и отец его, Попов Н.И., собственноручно приколол его штыком за то, что он был в Красной армии» [Архив Управления ФСБ РО, д. П-46260-А, т. 2, л. 166 об.].

Органы срочно вызвали Марину Федоровну Тарасову, и она показала, что Никифор Попов зашел к ней и просил лошадь съездить в Вёшенскую. Лошади не было, на ней повезли делегатов в Миллерово на какое-то мероприятие. Тогда Н.И. Попов сказал, что он объехал станицы Букановскую, Слащевскую и Боковскую. Там готовится восстание, оружие восставшие заберут у допризывников, а в Вёшенскую ему надо ехать для связи с подпольем [Архив Управления ФСБ РО, д. П-46260-А, т. 2, л. 173–173 об.].

Еще один свидетель, Дроздов Алексей Григорьевич, бывший белый урядник и взводный командир Красной армии, показал, что Н.И. Попов обещал, что скоро будет восстание, о чем слышал от сына Даниила Никифоровича [Архив Управления ФСБ РО, д. П-46260-А, т. 2, л. 167]. Как видим, у реального «Микишары» действительно был сын Даниил, но в 1919 г. он был жив, и отец поддерживал с ним отношения.

Органы заинтересовались личностью Н.И. Попова и допросили Степана Яковлевича Лапина, казака его хутора (Плешакова). Лапин о подготовке к восстанию ничего не знал, но показал, что весной 1919 г. в х. Плешакове было расстреляно 13 пленных красноармейцев из сдавшегося Сердобского полка, и Н.И. Попов «одного [пленного] бил штыком по голове, взявшись за острие последнего» [Архив Управления ФСБ РО, д. П-46260-А, т. 2, л. 168]. Совсем как сына Даниила в рассказе «Семейный человек». Далее Лапин рассказал, что два сына Н.И. Попова, Григорий и Даниил, ушли добровольно в Красную Армию. Даниил жив до сих пор, а Григорий был взят в плен повстанцами и находился при обозе какой-то сотни. Он был опознан плешаковцами, казаками его родного хутора, и взят ими в их сотню. Н.И. Попов служил в той же сотне, но на тот момент отсутствовал. Когда он, вернувшись, узнал, что Григорий в сотне, то стал требовать, «чтобы сына Григория немедленно расстреляли». А казаки сотни были против. Тогда Н.И. Попов пошел в штаб полка, и оттуда пришли два казака из того же хутора Плешакова. Они увели Григория и расстреляли. Один взял себе гимнастерку расстрелянного, а другой – его сапоги. Исходя из всего этого, Лапин делал вывод, что Григория расстреляли «по распоряжению штаба полка и по требованию отца».

Наконец, сотрудники ОГПУ допросили самого Никифора Ивановича Попова, 1873 г.р. Он показал, что уже был судим два раза: в 1922 г. – за избивание члена сельсовета, в 1928 г. – за кражу лошади. В Мировую войну он не служил, так как болел, а в Гражданскую участвовал в восстании, служил во 2-м Еланском полку. В первую очередь его стали расспрашивать о случае с расстрелом сына, и Н.И. Попов раскрыл все дело несколько иначе. Его якобы вызвали в штаб полка, где уже был его сын, «сильно избитый и изуродованный», и командир полка якобы сказал ему, что поймали его сына-предателя, «что хочешь, то и делай с ним». Попов ответил, что наказал бы сына, но он уже избит, и после этого ушел из штаба. На следующий день Н.И. Попов хотел узнать о судьбе сына и обратился к своему хуторскому атаману, но хуторской атаман сказал, что его сын расстрелян. Попов пошел на место расстрела и увидел убитого сына «совершенно голого, мертвого, причем весь затылок у него был снят, и он висел над лбом» [Архив Управления ФСБ РО, д. П-46260-А, т. 2, л. 169–169 об.]. Как видим, Н.И. Попов сам сына не убивал. Возможно, он требовал в штабе его расстрела. Казаки же его сына защищали, но расстрела не предотвратили. Во всяком случае, они не требовали, чтобы Н.И. Попов сам убил своего сына, как это показано в рассказе.

В итоге судьба сыграла с Н.И. Поповым злую шутку. Органы ОГПУ в преддверии массовой коллективизации создавали «дело» о якобы существующей на Хопре и на Верхнем Дону подпольной организации [Венков, 2016а], а Н.И. Попов ходил

и рассказывал жителям, что такая организация есть и готовится восстание, то есть «подыгрывал» органам. И органы обратили на него внимание. Образ отца, убившего родного сына, органично вписывался в число предполагаемых заговорщиков. В январе 1930 г. контрразведывательный отдел ОГПУ Донецкого округа составил обвинительное заключение по 17 казакам ст. Еланской, в котором значилось, что Н.И. Попов «расстрелял сына» [Архив Управления ФСБ РО, д. П-46260-А, т. 2, л. 231]. Окружной прокурор, ознакомившись с делом, смягчил формулировку: «участвовал в расстреле своего сына» [Архив Управления ФСБ РО, д. П-46260-А, т. 2, л. 262]. И 30 января 1930 г. «тройка» приговорила Н.И. Попова к расстрелу.

Не только в России, но во всех странах считается, что нет ничего страшнее гражданской войны. В главе XXV романа Генрика Сенкевича «Пан Володыевский» есть фраза священника: «Ничего нет страшнее братоубийственной войны...». Даже заносчивые поляки понимали это. Обычно одна страта общества встает на другую страту. Но обе страты связаны единым языком, да и многим другим. Начало Гражданской войны на Дону дало примеры бескомпромиссной жестокости. 21 января 1918 г. революционные казаки порубили захваченных в плен офицеров и гимназистов отряда полковника Чернецова. Казаки убивали офицеров, полуграмотные рубили «дюже грамотных». Через три с половиной месяца восставшие казаки и офицеры уничтожили верхушку красных казаков — Подтелкова и Кривошлыкова, — а заодно сопровождавших их казаков Каменской местной команды. И список расстрелянных был опубликован в приказе по Войску в назидание другим «изменникам Дона и казачества». Но высветился один эпизод...

В том же архиве УФСБ, где хранится материал на пресловутого «Микишару», есть показания П.Ф. Кривошлыкова.

В 1924 г. в ходе следствия по делу знаменитого Харлампия Ермакова в качестве свидетеля был допрошен Петр Федорович Кривошлыков, 45 лет. Он показал, что участвовал в походе против «Подтелковской экспедиции», так как был мобилизован белыми повстанцами в ст. Краснокутской в отряд И.Я. Кумова. В ночь с 26 на 27 апреля (9–10 мая) 1918 г. у х. Свечникова Пономаревский отряд прапорщика гвардейской батареи Спиридонова и Краснокутский отряд подхорунжего Кумова вошли в Сводный отряд Верхне-Донского округа под командованием подъяесаула Попова (Василия Степановича). В отряде было 3 пешие сотни и 5 конных сотен. 27 апреля (10 мая) на рассвете отряды соединились. Ими был захвачен и обезоружен отряд Подтелкова. 28 апреля (11 мая) отряд Подтелкова был расстрелян в х. Пономареве, а Подтелков и Кривошлыков повешены.

П.Ф. Кривошлыков присутствовал при казни. Он показал: «В силу родства я не вытерпел, подошел к тов. Кривошлыкову, схватился с ним прощаться, и оба заплакали» [Архив Управления ФСБ РО, д. П-51724, л. 129 об.].

М.В. Кривошлыков передал с П.Ф. Кривошлыковым записку своему отцу. Казаки после казни П.Ф. Кривошлыкова обыскали, но записку ему вернули. Командир отряда подъяесаул Попов хотел П.Ф. Кривошлыкова расстрелять, но все обошлось.

Есть ли у нас в художественной литературе о Гражданской войне хоть одна сцена, где родственники, белогвардеец и приговоренный большевик, обнимаются и вместе плачут под виселицей?

Однако эта сцена более характерна для взаимоотношений в казачьем сообществе, чем «Микишара» с убийством его сыновей.

Необходимо помнить, что казачье сообщество возникло и складывалось в экстремальных условиях. В степи в XVI в. выжить в одиночку было невозможно. Жизнь заставляла объединяться. Объединение шло на основе древнейших принципов: не прячься за коллектив (тогда коллектив тебя сразу же вычислит и уничтожит), а умирая за него, будучи уверенным, что и любой член коллектива за тебя умрет, тогда больше шансов, что выживут все или большинство. Поэтому каждый думал о пользе сообщества, а затем уже о своей, и подчинение воле большинства не считалось чем-то постыдным. Мораль, как известно, диктуется условиями выживания. Отсюда и проистекало «донское братство».

Все сообщество ценило жизнь каждого казака. Когда воин уходил на службу, все Войско брало на себя заботу о его семье и имуществе.

В сентябре 1812 г., когда донское ополчение выступило в поход освободить Москву от французов, оставленный на Дону наказной атаман генерал-лейтенант А.К. Денисов рапортовал М.И. Платову, что он «признал нужным строго подтвердить всем станицам ведомства войскового, чтоб оставшиеся иногда в семействах дети, которые, не имея над собою старших, не в состоянии ни себя, ни домовного своего состояния призреть, приняты были непременно под общее станичное покровительство», а также «приказал нужды таковых семейств удовлетворять общими станичными силами и средствами» [Донское..., 2012, с. 217].

С другой стороны, в казачьей среде сильны были ветхозаветные представления о справедливости: око за око, зуб за зуб. Принцип «талиона», то есть возмездия, равному преступлению, был у них господствующим. Формируясь в условиях соседства с народами, профессионально занимающимися работоторговлей, другого принципа казаки воспринять не могли. В условиях степной войны за убийство женщин и детей казаки платили татарам и ногайцам тем же самым.

Воспитание нового поколения казаков начиналось с малых лет и велось всем сообществом, родителями, старшими братьями, соседями. Рождаемость была высокая, детей много. Дети из одной семьи естественно объединялись с соседскими, и их всех вместе обучали необходимым для воина навыкам – верховой езде, стрельбе, приемам рукопашного боя.

В XVIII – первой половине XIX в. многие донские офицеры брали с собой на службу и даже на войну малолетних родственников, иногда официально записывали их в состав полка. Так, будущий генерал и герой Кавказской войны Я.П. Бакланов пошел в полк 16-ти лет, гораздо раньше положенного срока, но под присмотром родного отца. Дети войсковой старшины делали карьеру в полках своих

родственников. Полковое хозяйство возлагалось Войском на командира полка и тоже велось «семейным образом». И рядовые казаки в то время не были против такой системы: была надежда, что сын отца, отец сына в бою не бросят, помогут.

Система воспитания предусматривала не только военную подготовку. Казакам с детства прививались ценности, которые присущи любому традиционному обществу. Среди них важнейшее место занимало почитание родителей.

Кавалерист-девица Надежда Дурова, наблюдавшая казаков вблизи, писала: «Как не отдать справедливости людям, которых вся жизнь от юности до могилы посвящена пользам или отечества, или своей семье... Уважение к родителям, безусловное повиновение воле их и заботливое попечение об них в старости служат отличительною чертою свойства обитателей Дона и несомненным доказательством чистоты их нравов» [Давыдов, Дурова, 1987, с. 349].

Времена менялись. Неизбежно наступало имущественное расслоение. Но имущественные конфликты в Войске Донском вспыхивали редко, так как верхушка обогащалась не столько за счет своих казаков, сколько за счет малороссиян, побежавших на Дон с закрепощаемой Украины. Они и стали крепостными донских помещиков. Одновременно у казаков усилились ценности службы Отечеству. Когда резко обозначилось имущественное расслоение, казаки осознали необходимость сильного государства, которое одинаково защищало бы всех своих граждан. И государство действительно зачастую поддерживало рядовых казаков в случае споров с казачьей верхушкой.

В итоге в начале XX в. на Дону среди казаков преобладали середняцкие хозяйства. Исследователь Л.М. Спирин отметил, что «многие казаки-середняки были богаче, чем кулаки в центральных губерниях страны» [Спирин, 1968, с. 135].

В начале XIX в. казаки были объявлены особым военным сословием, впрочем, они и изначально свысока смотрели на крестьян. И до начала XVIII в. на Дону господствовало правило — если кто станет пахать землю и сеять хлеб, и того бить до смерти...

И еще необходимо помнить, что присягу царю донские казаки приняли лишь в 1671 г., а до этого они были хорошо организованным наемным войском и помнили, что высшая их вольность, как сформулировали ее казаки еще в Запорожской Сечи, объясняя свою временную службу крымскому хану: «каждый волен искать службы и добычи, где хочет, ибо удерживать Войско от корыстей невозможно. Да и о том докладываем, что теперь низовое войско час от часу стесняется людьми городскими, зверя и рыбы казакам добыть негде, а монаршеским жалованием целый год прожить нельзя, и потому поневоле принуждено наше товарищество идти в поход на помощь хану на орду ногайскую» [Соловьев, 1991, с. 612]. И перед штурмом Азова в 1637 г. запорожцы, гордящиеся этой вольностью, как раз шли на службу к иранскому шаху.

В ходе Первой мировой войны донские казаки проявили высокие боевые качества. 193 донских офицера и 37 тысяч казаков получили Георгиевские награды: офицеры – ордена «Св. Георгия» или «Георгиевское оружие», казаки – Георгиевские кресты и медали. В рядах донских казаков фактически не было дезертирства. Потери донских казаков в Первую мировую войну были не особо велики. По разным данным, казаки потеряли до 10 тысяч человек в качестве безвозвратных потерь [Рыжкова, 2003, с. 223]. И это на 1,5 миллиона казачьего населения.

Уровень сплоченности и боеспособности казаков в Первую мировую войну виден на одном примере, который зафиксировали газетчики. Русские войска преследовали бегущего противника, «выбились из сил, остановились, выделили сводный отряд, но и в сводном отряде лошади стали падать. Но настаивало начальство: «Дальше, дальше...». На плечах, в чужую землю, прямо в пасть...

Построили начальники отряд: «Надо, ребята... Дело смертельное, но надо... Кто охотником пойдет?». И приданная отряду казачья сотня в следующий миг вся, до единого человека, бесшумно, без голоса и шепота, сделала два шага вперед и замерла по-уставному, не меняясь в лице.

Командир отряда вроде и не обрадовался, хотя и удивился, только и сказал вполголоса: «Оголтелый народ...» [цит. по: Венков, 2013, с. 27].

Опираясь на такие традиционные ценности, встретили казаки на Дону революцию, а за ней и Гражданскую войну.

Когда началась революция, казаки как профессиональные воины ясно осознавали неравенство сил. «Казачество признало советскую власть потому, что ее добровольно "принял" русский народ, и она стала государственной властью», – считали казачьи лидеры [Казачество..., 1992, с. 100].

5 ноября 1917 г. газета «Приазовский край» опубликовала статью «Ближайшая тактика казачества», где было сказано: «Роль спасителей отечества (казакам. – А.В.) не улыбается.... Единственное спасение казачество видит в общественной самостоятельности и организации» [Ближайшая..., 1917, с. 1].

Действительно, все это время казаки крепили власть областную, придавая ей функции власти государственной. Современники считали, что в тот период «только у казаков сохранился государственный порядок». К маю 1917 г. относится создание в казачьих областях Юга России государственного аппарата, «сразу начавшего правильно функционировать» [Казачество..., 1992, с. 90]. Верхи казачества впоследствии были едины в мнении, что «в дни государственного развала и распада казачество оказало организованное сопротивление анархии» [Казачество..., 1992, с. 22].

Пока перемены (в том числе – уравнильный передел земли) не коснулись каждой станицы, каждого казака, они были пассивны либо «нейтральны».

И сообщество старалось сохранить единство. В годы Первой мировой войны противостояние между офицерами и рядовыми казаками было заметно сглажено, поскольку многим рядовым казакам за воинские отличия после кратковременных (3 месяца) курсов присваивались офицерские чины. А поскольку отличившихся было много, в казачьих частях к 1917 г. был двойной комплект офицеров.

Изначально сопротивление большевикам оказывали небольшие (примерно – по сотне) отряды. Их называли «партизанами», и вошли в них казачьи кадровые офицеры и казачья учащаяся молодежь. Приказ об их формировании был отдан атаманом Калединым 27 ноября 1917 г. [ГАРО, ф. 46, оп. 1, д. 4028, л. 120].

Вскоре стремящиеся к миру с Советской Россией казачьи полки во главе с казачьи-ми офицерами порубили и рассеяли эти отряды. Их остатки ушли в «Степной поход» ждть «пробуждения казачества». На Дону 23 марта 1918 г. была провозглашена Донская советская республика во главе с революционными казаками.

И вот тогда активизировались поддерживаемые большевиками крестьяне. «Кое-где начинается насильственный захват земель» [Среди казаков, 1918, с. 2]. Крестьяне «переставали платить арендную плату, они повсеместно восставали против сословных привилегий казачества» [Меликов, 1940, с. 55]. И тут низовые казаки массово восстали.

Классовая борьба приобрела сословные формы – казаки против крестьян. И в названном уже рассказе «Лазоревая степь» казачий офицер пытается крестьян, потомков своих крепостных.

Особенно ярко такая борьба проявилось на Юге, где земля лучше, где были помещичьи надель казачьих офицеров, где были их крепостные крестьяне. Здесь казаки провозгласили лозунг «Дон для донцов», а крестьяне заявили: «Пока все казачье не вырежем, мира на Дону не будет». А как было на Верхнем Дону, где крестьян почти не было?

На сторону белых или красных переходили целыми полками. Большевики докладывали с Дона: «Характерными являются многократные перебежки казаков целыми группами на конях и с оружием от нас к ним и от них опять к нам» [Переписка..., 1969, с. 444].

И раскол на красных и белых зачастую зависел от того, кто первый мобилизовал.

К концу 1918 г. шараханья закончились, и выяснилось, что белые казаки выставили 106 полков, не считая батарей, отдельных сотен и команд бронепоездов [Пашинский, 1918]. Даже летом в условиях полевых работ, то распуская, то призывая казаков различных возрастных групп, казаки смогли постоянно держать на фронте 50-тысячное войско [Донская..., 1923, с. 104]. «Для несения тыловой службы было привлечено все население, включая стариков, женщин и детей, на которых также лежали и все заботы по хозяйству» [Донская..., 1923, с. 103].

Красных казачьих полков и отрядов было примерно 20 [Силы ..., 1918, с. 2]. «Эти изменники представляют собою лучшие боевые части красных», охарактеризовала их белая разведка [Силы ..., 1918, с. 2]. Характерно, что на сторону большевиков в полном составе перешли казачьи полки, которые до Мировой войны стояли в Москве и Саратове, видели, что такое Россия.

И настрой у казаков, вопреки обычаю, был оборонительный. Советское командование писало: «Нежелание казаков переступить границы Дона дало возможность организоваться» [ГАРФ, ф. 1235, оп. 82, д. 3, л. 121].

Вот как расслоилось казачье сообщество в ст. Вёшенской, где писались «Донские рассказы». Гвардейский батареец Кухтин Василий Петрович, друг Ф.Г. Подтелкова, был единственный в станице человек, исключенный из сословия. Он бежал из станицы, а его брат, Александр Петрович, еще более полугода служил у белых и заслужил Георгиевский крест. Весной 1919 г. он все же перешел к красным и отступил с ними из станицы. Их отец еще некоторое время жил в станице, но был обвинен в подготовке большевистского заговора и убит толпой.

Когда красные вернулись, старший сын, Василий Петрович, замучил насмерть соседа, который якобы оклеветал их отца.

Профессиональные воины – казаки – наносили своим врагам жестокий урон и сами, вынужденные сражаться практически без боеприпасов, несли огромные потери.

Еще летом 1919 г. появились сведения, что «отношения между казаками и крестьянами утратили прежнюю остроту» [ГАРФ, ф. 452, оп. 1, д. 31, л. 10]. Народу погубило столько, что не хватало рук обрабатывать землю, из-за которой дрались.

Очередной (и последний) раздел казаков на белых и красных произошел в марте – мае 1920 г. Белые генералы, уходя в Крым, бросили на берегу $\frac{3}{4}$ личного состава белой Донской армии. Большевики подавляющее большинство забрали в Красную армию, и количество красных казаков превысило количество белых.

Традиции наемничества не угасли, они оставались в сознании. Казаки считали: если их взяли в Красную армию, с них «списаны все долги». Так герой фильма «Фанфан-Тюльпан», добровольцем записавшийся в армию, спасся от женитьбы и от претензий родственников невесты.

Из тех, кто оставался в белых до конца и ушел в эмиграцию, многие вернулись. С 1921 по 1924 г. «из более чем 30 тыс. эмигрантов из Донского корпуса Русской армии генерала П.Н. Врангеля 23 тысячи вернулись на Дон» [Казачий ..., 1995, с. 122], и до 1929 г., до коллективизации, никто из них никаким преследованиям не подвергался.

Таким образом, ни исторические источники, ни полевой материал не указывают на многочисленные конфликты внутри казачьей семьи, тем более со смертельным

исходом. Казаки безжалостно дрались с местными крестьянами, сопротивлялись в большинстве своем Красной армии, но стремились сохранить единство своего сообщества.

А вот и сюжет, достойный Булгакова. Единственный известный автору этих строк коллаборационист ст. Вёшенской — казак хутора Антиповского А.К.Б., 1923 г.р. Его отец и родной дядя умерли в 1933 г. от голода, еще два родных дяди сгинули в лагерях. Будучи офицером-десантником, он в 1942 г. на Кавказе перешел на сторону врага с оружием в руках. Судя по воспоминаниям его земляков, побывавших в плену, А.К.Б. приезжал в лагеря военнопленных в казачьей форме и уговаривал пленных вступить в ряды казаков вермахта. Англичане выдали его вместе с другими коллаборационистами в Лиенце. Он отсидел 10 лет и остался на Кузбассе. Регулярно один раз в несколько лет он приезжал в станицу к оставшейся родне. Из всех его родственников и сверстников к 1980-м гг. остались только женщины. Была еще молодежь, родившаяся в годы войны и после войны.

В 1980 г., в День Победы, когда шло возложение венков и цветов к памятнику погибшим, он стоял в толпе и аплодировал вместе со всеми.

В один из своих приездов он сказал своей старухе-тетке, что служба в Югославии была лучшим временем его жизни.

Его старшие родственницы, — а у некоторых из них дети погибли в рядах Красной армии, — относились к А.К.Б. достаточно ровно, по-родственному. Их больше настораживало, что он 10 лет сидел в тюрьме (чего он там мог набраться?), а не то, что он служил у немцев. Сам он тюрьмы, судя по всему, не боялся и как-то совершенно спокойно сообщил, что его сын сидит в тюрьме за убийство. Кроме того, он рассказал, что всякий раз, приезжая на родину, он находит какую-нибудь одинокую женщину и живет у нее месяц или более.

В конце 1980-х сам А.К.Б. умер от болезни сердца.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Архив Управления Федеральной службы безопасности России по Ростовской области (ФСБ РО). Д. П-46260-А. Т. 2.

Архив Управления ФСБ РО. Д. П-51724.

Бабель И.Э. Избранное: Для юношества. Фрунзе: Адабият, 1990. 672 с.

Ближайшая тактика казачества // *Приазовский край*. 1917. 5 ноября. С. 1.

Венков А.В. Внесудебная расправа над казаками Еланской станицы в 1929–1930 гг. (исследование одного архивного дела) // *Русская старина*. 2016а. Т. (19). Вып. 3. С. 182–199.

Венков А.В. Гроза Кавказа. Жизнь и подвиги генерала Бакланова. М.: Вече, 2013. 432 с.

- Венков А.В. Исторические реалии и прототипы одного из Донских рассказов М.А. Шолохова // *Известия вузов Юга России*. 2016б. № 2. С. 34–37.
- Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 452. Оп. 1. Д. 31. ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 82. Д. 3.
- Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. 46. Оп. 1. Д. 4028.
- Давыдов Д.В., Дурова Н.А. Стихотворения. Проза. Записки кавалерист-девицы. М.: Правда, 1987. 640 с.
- Донская летопись: сборник матерьялов по новейшей истории Донского Казачества со времени Русской революции 1917 года. [Белград]: Изд. Донской исторической комиссии, 1923. 341 с.
- Донское казачество в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах русской армии в 1813–1814 гг. Сборник документов. Ростов-на-Дону: б.и., 2012. 752 с.
- Казачество. Мысли современников о прошлом, настоящем и будущем казачества. Ростов-на-Дону: Кн. изд-во, 1992. 318 с.
- Казачий Дон: Очерки истории. Ч. 1. Ростов-на-Дону: Изд-во облИУУ, 1995. 192 с.
- Меликов В.А. Героическая оборона Царицына (1918). М.: Воениздат, 1940. 256 с.
- Пащинский В. Большой Войсковой Круг 1918 года Всевеликого Войска Донского. Новочеркасск: б.и., 1918. 15 с.
- Переписка Секретариата ЦК РКП (б) с местными партийными организациями. Т. 4. М: Политиздат, 1969. 515 с.
- Рыжкова Н.В. Донские казаки в войнах России начала XX века. Ростов-на-Дону: Рост. ун-т, 2003. 320 с.
- Силы большевиков против Дона // *Новая Донская жизнь*. 1918. 12 (25) ноября. С. 2.
- Соловьев С.М. Сочинения. Кн. VII. История России с древнейших времен. Т. 13–14. М.: Мысль, 1991. 701 с.
- Спирин Л.М. Классы и партии в гражданской войне в России. М.: Мысль, 1968. 438 с.
- Среди казаков // *Известия ВЦИК*. 1918. 20 марта. С. 2.
- Шолохов М.А. Рассказы. М.: Художественная литература. 1984. 192 с.

REFERENCES

- Archive of the Federal Security Service RR (Arkhiv UFSB RO). D. P-46260-A. Vol. 2. Arkhiv UFSB RO. D. P-51724.
- Babel I.E. *Izbrannoye: Dlya yunoshstva* [Selected Works: For Young People]. Frunze: Adabiyat, 1990. 672 p. (in Russian).
- Blizhayshaya taktika kazachestva [The Immediate Tactics of the Cossacks], in *Priazovskiy kray*. 1917. November 5. P. 1 (in Russian).

- Venkov A.V. Vnesudebnaya rasprava nad kazakami Elanskoj stanitsy v 1929–1930 gg. (issledovaniye odnogo arkhivnogo dela [Extrajudicial Punishment of the Cossacks of the Yelanskaya Village in 1929–1930. (Research of One Archive Case)], in *Russkaya starina*. 2016. Vol. (19). Iss. 3. Pp. 182–199 (in Russian).
- Venkov A.V. *Groza Kavkaza. Zhizn i podvigi generala Baklanova* [The Thunderstorm of the Caucasus. The Life and Deeds of General Baklanov]. Moscow: Veche, 2013. 432 p. (in Russian).
- Venkov A.V. Istoricheskiye realii i prototipy odnogo iz Donskikh rasskazov M.A. Sholokhova [Historical Realities and Prototypes of One of M.A. Sholokhov's Don Stories], in *Izvestiya Vuzov Yuga Rossii*. 2016. No. 2. Pp. 34–37 (in Russian).
- State Archive of Russian Federation (GARF). F. 452. Inv. 1. D. 31.
- GARF. F. 1235. Inv. 82. D. 3.
- State Archive of Rostov Region (GARO). F. 46. Inv. 1. D. 4028.
- Davydov D.V., Durova N.A. *Stikhotvoreniya. Proza. Zapiski kavalerist-devitsy* [Poems. Prose. Notes of a Cavalry Girl]. Moscow: Pravda, 1987. 640 p. (in Russian).
- Donskaya letopis: sbornik materialov po noveyshey istorii Donskogo Kazachestva so vremeni Russkoy revolyutsii 1917 goda* [The Don Chronicle: A Collection of Materials on the Modern History of the Don Cossacks since the Russian Revolution of 1917]. Belgrade: Izd. Donskoy istoricheskoy komissii, 1923. 341 p. (in Russian).
- Donskoye kazachestvo v Otechestvennoy voyne 1812 g. i zagranichnykh pokhodakh russkoy armii v 1813–1814 gg. Sbornik dokumentov* [The Don Cossacks in the Patriotic War of 1812 and the foreign campaigns of the Russian army in 1813–1814. Collection of documents]. Rostov-on-Don: b.i., 2012. 752 p. (in Russian).
- Kazachestvo. Mysli sovremennikov o proshlom. nastoyashchem i budushchem kazachestva* [Cossacks. Contemporary thoughts on the past, present, and future of the Cossacks]. Rostov-on-Don: Kn. Izd-vo, 1992. 318 p. (in Russian).
- Kazachiy Don: Ocherki istorii* [The Cossack Don: Essays on History]. Part 1. Rostov-on-Don: Izd-vo obllUU, 1995. 192 p. (in Russian).
- Melikov V.A. *Geroicheskaya oborona Tsaritsyna (1918)* [The Heroic Defense of Tsaritsyn (1918)]. Moscow: Voenizdat, 1940. 256 p. (in Russian).
- Pashchinsky V. *Bolshoy Voyskovoy Krug 1918 goda Vsevelikogo Voyska Donskogo* [The Great Military Circle of 1918 of the All-Great Don Cossack Army]. Novocherkassk: b.i., 1918. 15 p. (in Russian).
- Perepiska Sekretariata TsK RKP (b) s mestnymi partiynymi organizatsiyami* [Correspondence of the Secretariat of the Central Committee of the Russian Communist Party (b) with local party organizations]. Vol. 4. M.: Politizdat, 1969. 515 p. (in Russian).
- Ryzhkova N.V. *Donskiye kazaki v voynakh Rossii nachala XX veka* [Don Cossacks in the wars of Russia at the beginning of the twentieth century]. Rostov-on-Don: Rost. Un-t, 2003. 320 p. (in Russian).
- Sily bolshevikov protiv Dona [Bolshevik forces against the Don], in *Novaya Donskaya zhizn*. 1918. November 12 (25). P. 2 (in Russian).

Solovyov S.M. *Sochineniya. Kn. VII. Istoriya Rossii s drevneyshikh vremen* [Works. Book VII. History of Russia from Ancient Times]. Vols 13–14. Moscow: Mysl, 1991. 701 p. (in Russian).

Spirin L.M. *Klassy i partii v grazhdanskoy voyne v Rossii* [Classes and Parties in the Russian Civil War]. Moscow: Mysl, 1968. 438 p. (in Russian).

Sredi kazakov [Among the Cossacks], in *Izvestiya VTsIK*. 1918. March 20. P. 2 (in Russian).

Sholokhov M.A. *Rasskazy* [Stories]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1984. 192 p. (in Russian).

Статья принята к публикации 11.02.2026